

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

УДК 130.2

DOI 10.18522/2227-8656.2020.2.16

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

HISTORICAL MEMORY IN POSTMODERN CULTURE

Загутин Дмитрий Сергеевич

Доктор философских наук, доцент,
профессор,
кафедра гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский юридический институт
МВД России,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
E-mail: rostov-zd@mail.ru

Dmitry S. Zagutin

Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Professor,
Humanitarian and Social and Economic
Disciplines Department,
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Rostov-on-Don, Russia,
E-mail: rostov-zd@mail.ru

Статья посвящена анализу трансформации исторического сознания в рамках культуры постмодерна, доминирующими чертами которой являются гетерономность и плюрализм, отсутствие центра и периферии, сомнение в авторитетах, подозрительность по отношению к власти, отрицание любых иерархий и претензий на обладание абсолютной истиной. В таких условиях проблематичным становится единое видение истории – и обусловленные идеологическим кризисом попытки национальных государств выстроить непротиворечивые исторические дискурсы неизбежно сталкиваются с растущим многообразием версий

The article is devoted to the analysis of transformation of historical consciousness within the framework of post-modern culture, the dominant features of which are heteronomy and pluralism, lack of center and periphery, doubt in authority, suspiciousness towards power, denial of any hierarchy and claims to possess absolute truth. Under such conditions, a common vision of history becomes problematic - and the attempts of nation-states, driven by the ideological crisis, to build consistent historical discourses inevitably face a growing variety of versions of the past. Memory of the past both facilitates and challenges collective identities. This is the contra-

прошлого. Память о прошлом одновременно и способствует формированию коллективных идентичностей, и ставит их под сомнение. В этом заключается противоречивость постсовременного исторического сознания.

dictory nature of post-modern historical consciousness.

Ключевые слова: история; историческая память; культура; идеология; культурная память; постмодерн.

Keywords: history; historical memory; culture; ideology; cultural memory; postmodern.

Введение

Целью статьи является анализ трансформации исторического сознания в эпоху постмодерна и в рамках постмодернистской культуры. Несмотря на то что дискуссии о постмодерне и постмодернизме в последние десятилетия потеряли свою остроту, а сама эпоха постмодерна нередко рассматривается как нечто, принадлежащее прошлому, а не настоящему (Павлов, 2019), ключевые характеристики культуры этой эпохи сохраняются. Важными чертами культуры постмодерна являются утрата внятных перспектив развития общества и культуры, ослабление исторического мышления, пребывание в моменте настоящего времени (Додельцев, 2010). Историческое сознание претерпевает ряд значимых изменений, смысл которых и будет рассмотрен в данной статье.

Рост интереса к коллективной памяти и исследование этого феномена

Согласно известному замечанию Ж. Лиотара, состояние постмодерна означало отвержение метанарративов, но именно метанарративы лежали в основе доминирующих идеологий, созданных классическим модерном. Эти идеологии, в свою очередь, выполняли важнейшую функцию обеспечения легитимации власти и поддержания коллективных идентичностей. Кризис идеологии означал ослабление того и другого – и необходимость поиска нового идейного инструментария, обеспечивающего выполнение этих функций. На наш взгляд, подобным инструментом стало новое обращение к истории и исторической проблематике.

Однако постмодернизм привёл к переосмыслению истории. Отказ от той схемы истории, которая доминировала в эпоху модерна, – рационалистической, универсалистской и в то же время связанной с конструированием «национальных историй», основанной на неявной рецепции идеи прогресса, западноцентричной – при всех попытках

учитывать культурное разнообразие – привел к возникновению нового исторического мировоззрения, сочетающего полицентризм, разнообразие, активность коллективного воображения, некоторую психологизацию восприятия истории, с выполнением функции нового идеологического обоснования политической и социокультурной реальности национальных государств и национальных общностей.

Речь идет об осознании проблематики коллективной памяти и значимости этого феномена для поддержания коллективных и индивидуальных идентичностей. По выражению П. Нора, произошел переход от исторического сознания к сознанию, основанному на работе памяти (Нора, 2005).

«Коллективная память» и «историческая память» – понятия, распространившиеся в гуманитарных науках в последние десятилетия, хотя понятие «коллективная память» возникло в трудах М. Хальбвакса гораздо раньше. Предлагая его, М. Хальбвакс опирался на идеи Э. Дюркгейма о коллективных представлениях.

М. Хальбвакс (Хальбвакс, 2007) отличал коллективную память, с одной стороны, от истории, с другой – от индивидуальной памяти, памяти о реально пережитых индивидом событиях. Коллективная память запечатлена в некоторых культурных артефактах – устной традиции, значимых текстах, памятниках и т. д. Она не является непосредственным опытом её хранителей, но усвоена ими от социального окружения при освоении культурного наследия группы.

Коллективная память сохраняется, пока события, отраженные ею, сохраняют значимость для представителей той или иной общности. В контексте постмодернистского подхода к истории важно, что коллективная память, по М. Хальбваксу, не является всеобщей и универсальной – это всегда история отдельных групп, причем группы могут быть разными – как небольшие локальные общности, так и нации. Однако чем обширнее общность, тем более необходимы целенаправленные усилия для формирования и поддержания коллективной памяти.

В формирование понятия «историческая память» большой вклад внесли представители французской исторической школы «Анналов». Представители школы «Анналов» утверждали, что история должна быть связана с интересами и проблемами настоящего и воссоздавать картину прошлого живых людей, отсюда интерес к воссозданию повседневной жизни, в отличие от установки предшествующей исторической науки, нацеленной на выявление абстрактных схем, стоящих за историческими событиями и преимущественным вниманием к крупным событиям прошлого, истории государств или классов.

Историк П. Нора, также обращавшийся к проблеме исторического сознания и памяти, отмечал, что история (в том виде, как она сформировалась в эпоху модерна) и память во многом противоположны. История как наука несет в себе заряд критицизма и скептицизма, и это разрушительно для памяти, память для истории всегда подозрительна по причине её субъективности и неточности. П. Нора полагал, что общества модерна теряют память о прошлом, потому для ее сохранения необходимо создание «мест памяти».

Историческая память подразумевает не отстраненное владение объективным знанием о прошлом, но ощущение живой, непосредственной связи с ним, переживание истории как опыта, при этом единая история дробится на множество отдельных историй, запечатленных в памяти индивидов и групп благодаря определенным культурным практикам. Эти мемориальные практики могут изучаться в социологическом, культурологическом, историческом, политическом и даже психологическом ключе. На современном этапе исследования коллективной памяти это – междисциплинарная область исследований, динамично развивающаяся.

По замечанию Я. Ассмана, одного из крупнейших представителей современных исследований коллективной, исторической и культурной памяти, говорит даже о новой парадигме наук о культуре: «По всем признакам похоже, что вокруг понятия воспоминания складывается новая парадигма наук о культуре, благодаря которой разнообразнейшие феномены и области культуры – искусство и литература, политика и общество, религия и право – предстают в новом контексте» (Ассман, 2004. С. 12)

В данной статье историческая память будет рассматриваться одновременно в культурологическом и политическом ключе, поскольку проблема коллективного национального самоопределения – это и культурная, и политическая проблема.

Историческая память и коллективная идентичность в эпоху постсовременности

Кризис доминирующих идеологий, определявших историческую динамику модерна, сопровождался политическими событиями, усугублявшими собственно мировоззренческий кризис и дезориентацию. Речь идет о крушении социалистического проекта и интенсификации процесса глобализации, сопровождавшегося обострением проблемы коллективных и культурных идентичностей. С другой стороны, постмодернистская критика и рефлексия подорвали идейные основы за-

падного проекта модерна, который благодаря экспансии западных институтов, таких как демократия, рынок, наука и т. д., становился глобальным. Рассогласование между универсальным господством современных институтов и слабостью их культурной легитимации также приобрело глобальный характер, «кризис Запада» в его смысловом аспекте стал универсальным. Одним из вариантов выхода из этого кризиса за пределами западного мира стало усиление влияния традиционных религий, в которых видели основу культурной и даже цивилизационной идентичности, идейную основу для более справедливого и правильного социального устройства или легитимации политических институтов, формирования коллективной идентичности. Другим вариантом было усиление консервативных настроений – как в западных обществах, так и за их пределами. Но третьим вариантом оказалось новое обращение к проблематике прошлого, что, собственно, и обусловило популярность проблематики исторической памяти и превращение её в смысловой центр многих современных гуманитарных и социальных исследований. Однако связанный с памятью поворот в гуманитарном знании был частью более широких культурных процессов, охвативших многие общества за пределами сферы специализированного знания.

П. Нора писал: «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти. В последние двадцать или двадцать пять лет все страны, все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому» (Нора, 2005). Это изменение приобретало и приобретает самые разные формы.

Во-первых, это критика официальной истории, версий прошлого, предложенных «официальной наукой», причем эта критика может исходить как от представителей научного сообщества, оставаясь всё же частью научного дискурса, так и от тех, кто не принадлежит научному сообществу, что порождает феномен так называемой фолк-истории, или альтернативной истории. Современная медиасреда позволяет таким теориям распространяться с большой легкостью и находить сторонников и приверженцев. Интересно, что многие подобные альтернативные версии истории связаны с попытками формирования новых коллективных идентичностей, в том числе национальных – через поиск более древних, чаще всего фантастических, исторических корней.

В рамках научного исторического дискурса новое прочтение истории может быть связано с отказом от прежних принимаемых по умолчанию идеологических схем – можно вспомнить постколониальные исследования, позволяющие по-новому взглянуть на историю народов, колонизированных западными странами. В этом же контексте

можно упомянуть также исследования истории отдельных локальных сообществ или ранее дискриминируемых групп (например, этнических или религиозных меньшинств).

Дробление исторического поля, внимание к разнообразию, отказ от принципа иерархии, критика авторитетов – наличие этих принципов делает возможным рассматривать данные изменения в свете постмодернистских изменений в культуре.

Во-вторых, изменением отношения к памяти и истории является стремление к восстановлению уничтоженного, забытого или отнятого прошлого, своеобразный культ корней, новые практики, нацеленные на восстановление семейной генеалогии, приобретающие всё большую популярность. Люди стремятся восстановить свою генеалогию, отыскать забытых предков, осознать своё единство с ушедшими поколениями. Та же тенденция наблюдается не только на индивидуальном, но и на групповом уровне.

Волна интереса к прошлому сопровождается развитием мемориальной культуры, возникновением новых памятных мест, появлением новых мемориальных мероприятий на локальном и общенациональном уровнях. Растет количество музеев, причем их тематика становится всё более разнообразной, а задачи меняются – вместо просвещения посетителей современные музеи всё больше ориентируются на создание особой среды, которая позволяла бы посетителям получить некий специфический опыт соприкосновения с событиями прошлого, ощутить свою причастность к нему.

Рост интереса к прошлому и потребности приобщиться к историческому опыту, культурному наследию ушедших эпох сопровождается своеобразной коммерциализацией этого наследия, превращением истории в зрелище или спектакль, что вполне соответствует характеристике современных обществ как «обществ спектакля», предложенной Г. Дебором. Одним из показателей этого процесса является постоянно растущая популярность посещения тех или иных исторических памятников. Потребность лично посетить исторические и культурные достопримечательности является одним из важных стимулов развития современного туризма. Наряду с известными историческими и культурными памятниками создаются новые, не всегда аутентичные, и создание таких достопримечательностей может происходить как стихийно, так и целенаправленно – усилиями местных властей либо совместными усилиями власти и заинтересованной общественности.

В качестве российского примера появления нового туристического объекта и даже центра паломничества для любителей альтерна-

тивной истории может служить Аркаим. Этот археологический памятник известен достаточно давно, но культовый статус он приобрел в последние десятилетия, когда стал объектом для исторических спекуляций о мифическом прошлом.

В-третьих, прошлое становится предметом моральной рефлексии и оценки, что нередко оказывается частью идеологического процесса. Рост интереса к проблеме коллективной травмы, страданий, перенесенных как индивидами, так и целыми народами, вовлеченными в те или иные исторические события, служит не только для переосмысления ключевых исторических фактов (например, империалистической и колониальной политики западных держав), общей гуманизации культуры и осмысления ценности человеческой жизни, но и для политических и идеологических целей.

Например, многие страны бывшего социалистического блока, особенно бывшие советские республики, столкнувшись с проблемой национального самоопределения, стали строить свою идентичность на основе понятия жертвы. Так, страдания, перенесенные, например, украинским народом в рамках тоталитарной советской империи, являются едва ли не главным фактором, конституирующим новую коллективную идентичность неоднородного в этническом смысле населения современной Украины, при этом «советское» однозначно ассоциируется с «российским». Роль России в многовековых отношениях русского и украинского народов рассматривается как однозначно негативная, прошлое становится объяснением даже нынешних неурядиц и проблем. Опирающееся на отобранные исторические факты, такое одностороннее представление собственной истории не может быть признано адекватным, однако для идеологического самоопределения вопросы исторической правды не являются первостепенными, а исторические споры приобретают характер идеологической и даже политической борьбы.

Подобные процессы характерны не только для постсоветских обществ. Так, статус народа – жертвы преступлений нацизма нередко позволяет затушевывать негативные моменты собственной истории и собственную вину перед другими народами – жертвами этих событий, игнорировать и замалчивать темные моменты собственного прошлого.

В России политизация истории приобрела несколько иные формы. Постсоветская национальная идентичность стала строиться почти исключительно вокруг победы в Великой Отечественной войне, при этом сам факт победы как бы снимает в политическом и общественном

сознании сложные вопросы, связанные с необходимостью осмысления и моральной оценки советского политического режима.

Сложные и противоречивые процессы сопровождали переосмысление исторического прошлого в Германии, перешедшей от игнорирования нацистского прошлого к активной работе по переосмыслению этого прошлого, осознанию коллективной ответственности и, по выражению А. Ассман (Ассман, 2019), к своеобразной одержимости историей нацистского прошлого.

Тема Второй мировой войны, ключевого, наверное, события XX в., становится поводом для общественных дискуссий и идеологических спекуляций во многих странах на исходе XX – в начале XXI в., при этом спектр мнений и убеждений, определяющих историческую политику и политику памяти, достаточно широк: от осознания необходимости примирения на основе понимания трагичности произошедших событий до акцентирования собственной исключительной роли в победе над абсолютным злом, олицетворяемым нацизмом.

Заключение

В эпоху постсовременности историческое сознание оказывается затронутым и видоизмененным общей динамикой постмодернистской культуры, доминирующими чертами которой являются гетерономность и плюрализм, отсутствие центра и периферии, сомнение во всех существующих авторитетах, подозрительность по отношению к власти, отрицание любых иерархий и претензий на обладание абсолютной истиной. В таких условиях проблематичным становится единое видение истории – и обусловленные идеологическим кризисом попытки национальных государств выстроить непротиворечивые исторические дискурсы неизбежно сталкиваются с растущей полифонией образов исторического прошлого. Память о прошлом одновременно и способствует формированию коллективных идентичностей, и ставит их под сомнение. В этом заключается противоречивость постсовременного исторического сознания.

Литература

Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М. : НЛЮ, 2019. 552 с.

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М. :

References

Assman, A. (2019). Forgetting history is an obsession with history. Moscow: NLO. (in Russian).

Assman, Ya. (2004). Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity. Trans. from German M.M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki

Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Додельцев Р.Ф. Введение в науку о науке. В 3-х частях. Ч. 2. Вселенная, жизнь, культура. М.: МГИМО-Университет, 2010. 127 с.

Касьянов В.В., Самыгин С.И. Историческая память и национальная безопасность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 52–57.

Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>.

Павлов А. Странная жизнь постмодернизма (Введение) // Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Краlechкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 808 с.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.

slavyanskoy kul'tury. (in Russian).

Dodel'cev R.F. (2010). Introduction to the science of science. In 3 parts. Part 2. Universe, life, culture. M.: MGIMO-Universitet.

Kasyanov, V.V., Samygin, S.I. (2019). Historical memory and national security. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, 9, 52-57. (in Russian).

Nora, P. (2005). World memory celebration. *Neprikosnovenny zapas*, 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>. (in Russian).

Pavlov, A. (2019). Strange life of post-modernism (Introduction). Jamison F. *Post-modernism or Cultural logic of late capitalism*. Trans. from English D. Krlechkin; A.A. Oleinikov (Ed.). M.: Izd-vo In-ta Gaidara. (in Russian).

Halbwachs, M. (2007). Social framework of memory. M.: Novoye izd-vo. (in Russian).

Поступила в редакцию

19 марта 2020 г.